

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94:[316.35:357.1](470.56)"1771"
doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г.

С. В. Джунджузов¹, М. Н. Ефименко²

^{1,2}Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

¹djund@yandex.ru, ²efimenkom@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В январе 1771 г. через территорию Яицкого казачьего войска прошла покидавшая пределы России многотысячная Калмыцкая орда во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши. Запоздалое распоряжение об их преследовании спровоцировало конфликт между старшинами и рядовыми казаками. Цель работы – методом критического анализа архивных источников рассмотреть причины конфликта, действия противоборствующих сторон и их последствия. *Материалы и методы.* Использованы историко-генетический, структурно-функциональный методы научного исследования. *Результаты и выводы.* Бунтарство яицких казаков стало закономерной реакцией на лишение казачьего сообщества автономии и распространения на казаков статуса военно-служилого сословия. Поводом к неповиновению послужило нежелание казаков преследовать калмыков заснеженной и обледенелой степи. Под предлогом невыплаты жалованья за предыдущие пять лет и восстановления права выбора походного атамана и старшин они отказались как от преследования калмыков, так и от направления сменной команды в Кизляр. Регулярные и нерегулярные войска, дислоцированные в Оренбургской губернии, были задействованы в походе за калмыками и не могли быть использованы против бунтующих казаков. Одержанная победа над «старшинской» партией придала уверенности рядовым казакам. Ее последствием стало кровопролитное восстание 1772 г. и участие в движении Е. И. Пугачева в 1773–1774 гг.

Ключевые слова: калмыки, обострение, Оренбургская губерния, социально-политическая обстановка, Яицкое казачье войско

Для цитирования: Джунджузов С. В., Ефименко М. Н. Обострение военной и социально-политической обстановки в Яицком казачьем войске в период откочевки калмыков из России в январе – марте 1771 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2025. № 3. С. 5–17. doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

The aggravation of the military and socio-political situation in the Yaik Cossack army during the migration of Kalmyks from Russia in January – March 1771

© Джунджузов С. В., Ефименко М. Н., 2025. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

S.V. Dzhundzhuzov¹, M.N. Efimenko²

^{1,2}Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹djund@yandex.ru, ²efimenkom@mail.ru

Abstract. *Background.* In January 1771, thousands of Kalmyk hordes led by Ubashi, the governor of the Kalmyk Khanate, passed through the territory of the Yaik Cossack army, leaving Russia. The belated order to prosecute them provoked a conflict between the foremen and the rank-and-file Cossacks. The purpose of the work is to examine the causes of the conflict, the actions of the warring parties and their consequences using the method of critical analysis of archival sources. *Materials and methods.* The historical-genetic, structural-functional methods of scientific research and the results were used. *Results and conclusions.* The rebelliousness of the Yaik Cossacks was a natural reaction to the deprivation of the Cossack community of autonomy and the extension of the status of a military class to the Cossacks. The reason for the disobedience was the reluctance of the Cossacks to pursue the Kalmyks of the snowy and icy steppe. Under the pretext of non-payment of salaries for the previous five years and the restoration of the right to choose a marching chieftain and foremen, they refused both to persecute the Kalmyks and to send a replacement team to Kizlyar. Regular and irregular troops stationed in the Orenburg province were involved in the campaign for the Kalmyks and could not be used against the rebellious Cossacks. The victory over the “senior” party gave confidence to ordinary Cossacks. Its consequence was the bloody uprising of 1772 and participation in the movement of E.I. Pugachev in 1773–1774.

Keywords: Kalmyks, aggravation, Orenburg province, socio-political situation, Yaik Cossack army

For citation: Dzhundzhuzov S.V., Efimenko M.N. The aggravation of the military and socio-political situation in the Yaik Cossack army during the migration of Kalmyks from Russia in January – March 1771. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2025;(3):5–17. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3024-2025-3-1

Историческая наука не располагает достоверными сведениями, откуда и в какие конкретно годы русские поселенцы пришли в низовье Яика (с 1775 г. – Яика). Однако, придерживаясь разной датировки, историки сходятся во мнении, что яицкое поселение сложилось в XVI в., к концу царствования Ивана IV [1, с. 222; 2, с. 47]. К выбору подходящей для проживания местности первые казачьи поселенцы подошли весьма рационально и практично. Яик и прибрежные воды Каспийского моря изобиловали ценными породами осетровых рыб. Рыболовство и рыботорговля стали основой хозяйственного уклада и благосостояния яицких казаков вплоть до второй половины XIX в., когда они приступили к земледельческому освоению степных уральских просторов [3–5]. Постоянная угроза нападения и стычки с многочисленными воинственными кочевниками – калмыками, казахами, каракалпаками и другими народами – закалили характер яицких казаков. Проезжавшие через Яицкий городок на рубеже 60–70-х гг. XVIII в. С. Паллас и И. Георги характеризовали их как здоровых, сильных и умелых воинов, отличающихся необузданным, решительным и храбрым нравом [6, с. 224; 7, с. 447]. К этому следует добавить свойственные вольным казачьим сообществам общинную самоорганизацию с выборными атаманами и старшинами, коллективизм, солидарность, взаимопомощь, приверженность к свободе и отстаиванию войсковых интересов.

В царствование Петра I правительство начинает встраивать казачьи войска в систему военного управления, тем самым лишая их былых автономных прав и привилегий. Высочайшим указом от 3 марта 1721 г. казачьи войска Донское, Яицкое и Гребенское были подчинены Военной коллегии. Для управления казачьими войсками в Канцелярии Военной коллегии было образовано особое отделение, первоначально названное Казачье повытье, переименованное позднее в Казачью экспедицию. Со временем выборные войсковые чиновники, бывшие прежде лишь исполнителями воли казачьего круга, начинают выделяться из массы рядового казачества. Для формирования из войсковой верхушки своей опоры государство распространяет на атаманов и старшин преимущества, свойственные чиновной бюрократии Российской империи [8, с. 35].

Государственный контроль над Яицким казачьим войском значительно усилился с образованием сначала Оренбургской экспедиции, а затем и Оренбургской губернии, когда губернская граница вплотную подошла к войсковой территории, а само войско перешло под общее управление оренбургских губернаторов.

К 1760-м г. старшинская верхушка Яицкого войска превратилась в обособленную привилегированную прослойку казачьего сообщества. За казачьим кругом сохранялось лишь право выбора сотников, есаулов, не состоявших членами Войсковой канцелярии. Следствием сосредоточения у атаманов и старшин властных полномочий, неконтролируемых казачьим кругом, стали многочисленные злоупотребления. Атаманы по своему усмотрению чинили суд, несправедливо распределяли налоги, обкладывали казаков поборами, задерживали причитавшееся им жалованье. Казаки, помнившие о былых справедливых порядках, противились нововведениям. Свое недовольство они выражали в челобитных, направляемых императорским особам, оренбургским губернаторам и в Военную коллегию. Когда же вместо ожидаемой поддержки правительство повелевало наказывать самих челобитчиков, казаки решались на открытое неповиновение войсковому начальству [9, с. 16–18].

Обострение отношений между «старшинской» и, как ее определил В. Н. Витевский, «народной» партиями в Яицком войске привели к открытому мятежу яицких казаков в 1772 г. и к поддержке пугачевского восстания годом позже. События, предшествовавшие этим глобальным катаклизмам, были и остаются в сфере внимания исследователей истории Уральского казачьего войска. Одним из них стал бунт Яицких казаков, отказавшихся от записи в корпус, предназначенный для преследования калмыков, ушедших из российского подданства. Видимо, в силу отсутствия достаточной источниковой базы в работах советских и современных историков не приводятся какие-либо подробности неповиновения казачьего круга командующему Оренбургским корпусом генерал-майору И. К. Давыдову и войсковому атаману П. В. Танбовцеву. Исключение составляет фундаментальный труд известного дореволюционного исследователя В. Н. Витевского «Яицкое войско до появления Пугачева», печатавшийся в 1878 и 1879 гг. в нескольких номерах журнала «Русский архив». Исследование Витевского базируется на материалах войскового архива Уральского казачьего войска. И сам текст написан собственным дореволюционной историографии языком архивных документов. Однако материалы для него подобраны с учетом авторской позиции, выра-

жавшей сочувствие рядовым казакам и обвинявшей в некомпетентности оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова, а атамана П. В. Танбовцева и Войсковую канцелярию – в злоупотреблении властью и мздоимстве [10, с. 385–396].

Относительно непредвзято рассмотреть позиции и действия оренбургской администрации и яицких войсковых старшин, с одной стороны, и представителей так называемой казачьей «народной» партии – с другой, позволяют материалы фонда «Оренбургской губернской канцелярии» (фонд 3) Объединенного государственного архива Оренбургской области. В них представлены рапорты Войсковой канцелярии Яицкого войска на имя оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и генерал-майора И. К. Давыдова и донесения самого Давыдова об уклонении казаков от участия в преследовании калмыков, неподчинении их приказам войскового начальства и случившихся на этой почве столкновениях между представителями «старшинской» и «народной» партий. Эти документы дополняются показаниями казаков, задержанных в ходе беспорядков и допрошенных в Войсковой канцелярии. Мнение рядовых казаков о нарушении их прав старшинской верхушкой и незаконных поборах содержатся в челобитной, поданной их представителями Л. Шапошниковым, Ф. Морковцевым и другими императрице Екатерине II в июле 1771 г. [10, с. 3–6].

5 января 1771 г. более 169 тыс. калмыков под предводительством наместника Калмыцкого ханства Убаши и поддержавшие его нойоны двинулись от берегов Волги к Яику. Убаши задался целью увести свой народ из России, вернуться в Джунгарию, откуда их предки ушли еще в начале XVII в., и там поселиться, приняв китайское подданство. Начальный этап калмыцкого исхода пришелся на 5–20 января. 19 января калмыцкие улусы, покрыв расстояние в 500 километров, подошли к р. Яик и начали переправляться на ее степной берег. Единственной военной силой и помехой на их пути могло стать Яицкое казачье войско, через территорию которого они прошли, если можно так выразиться, как нож сквозь подтаявшее масло. Основная часть яицких казаков в зимнее время находились либо при своих домашних хозяйствах, либо на зимнем рыболовстве – багрении. Казаки, несшие службу на форпостах Нижней яицкой линии, под натиском многократно превосходящих их калмыков вынуждены были перейти в ближайшие крепости и там держать оборону. Калмыками были разграблены и сожжены форпосты Гребенщевский, Зеленовский, Красноярский и Харкинский [11, с. 94].

Российские власти хотя и получали сигналы о готовящемся калмыцкой правящей верхушкой уходе из России, но относились к ним не более чем к пустым слухам, распространяемым враждебно настроенными к калмыкам киргиз-кайсаками (казахами). С 11 января в Войсковую канцелярию начали поступать сведения о поспешном уходе в Калмыцкую орду калмыков, состоявших казаками Яицкого войска. Атаман П. В. Танбовцев и находившийся в Яицком городке генерал-майор И. К. Давыдов ожидали распоряжений от оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа. Сам же И. А. Рейнсдорп начал проявлять активную деятельность лишь 23 января, когда было получено запоздалое донесение от помощника царицынского коменданта И. Е. Цеплетева об измене наместника Калмыцкого ханства Убаши [12, л. 58–58 об.]. Тогда же в Оренбурге было получено сообщение от генерал-майора Давыдова о начав-

шейся 19 января переправе калмыцких улусов на степную сторону р. Яик близ Калмыковой крепости и Красноярского форпоста [12, л. 56]. Уже на следующий день, 24 января, И. А. Рейнсдорп потребовал от командующего войсками Оренбургского корпуса: «Употребить все силы. В том им, калмыкам, на яицких форпостах, умножа людей, воспрепятствовать, и далее не пропустить. А притом постараться и наместника их и владельцев поймать» [12, л. 61].

28 января Канцелярия Яицкого войска сообщила о направлении в сторону нижних форпостов 1130 казаков с четырьмя пушками во главе с Алексеем Митрясовым. Дальнейшее пополнение казачьей команды предполагалось за счет казаков, находившихся на рыбной ловле. В первую очередь А. Митрясов должен был обеспечить безопасность крепостей и форпостов, подвергшихся калмыцкому нападению и, выполняя эту задачу, «над самими теми калмыками сильный воинский поиск учинить» [12, л. 70–70 об.]. В ожидании возможного нападения калмыков часть казаков были возвращены И. К. Давыдовым в Яицкий городок. В распоряжении Митрясова оставалось 730 человек [10, с. 396].

Продвигаясь вдоль линии вниз по течению Яика, А. Митрясов стремился задерживать калмыков, не успевших переправиться на степную сторону реки. Наибольшим его успехом стало склонение к отказу от переправы ниже крепости Индерских гор и возвращение на Волгу нойона Асархи и его племянника Миши с Икицохуровским улусом [11, с. 95–96], в котором, по утверждению Митрясова, насчитывалось до 2035 кибиток и «военных людей до 4 тыс. человек» [13, л. 139].

20 февраля Яицкое войско направило оренбургскому губернатору рапорт о возвращении в Яицкий городок казачьих команд А. Митрясова и И. Суетина. По итогам похода А. Митрясов составил справку, из которой следовало, что состоявшими при нем казаками были убиты «не покорившихся и вооруженных» 200 калмыков и взято в плен 230 человек, в том числе 2 зайсанга. У противника отбито 3 знамени, 152 ружья, 68 сабель, 85 сайдаков, 196 копий. Казаки также распределили по себе доставшихся им в добычу 133 верблюда, 909 лошадей, 2520 овец и баранов [12, л. 470, 477].

На втором этапе, продолжавшемся с 21 января по 18 февраля, вышедшие из повиновения Екатерины II калмыки совершили переход по степям казахов Младшего и Среднего жузов к р. Эмбе [11, с. 90]. И. А. Рейнсдорп и И. К. Давыдов справедливо считали, что мятежные калмыки далее будут следовать степью, параллельно Верхней яицкой линии, на расстоянии 200–300 верст.

Оренбургским генералитетом был составлен оперативный план перехвата и задержания беглых калмыков. В Орской крепости, располагавшейся в центре оборонительной линии, было решено сформировать экспедиционный корпус в составе регулярных (конных эскадронов) и нерегулярных (казаков, башкир и мещеряков) войск под командованием полковника М. М. фон Траубенберга [12, л. 231 об.]. Яицкие казаки должны были продолжать преследовать удаляющуюся Калмыцкую орду.

Когда стало очевидным, что основная масса калмыков покинула войсковую территорию, генерал-майор И. К. Давыдов назначил командующим казачьим корпусом полковника Бейерена (у В. Н. Виетвского – фон Бейерна). Ему была подчинена находившаяся тогда в Калмыковой крепости команда А. Мит-

рясова, для усиления которой Давыдов приказал набрать еще тысячу казаков. Вместе с казаками в поход должна была отправиться часть регулярных войск [10, с. 398]. От приезжавшего в Яицкий городок казаха была получена ориентировка, что калмыки продвинулись к впадавшей в р. Илек р. Хобде. Он утверждал, что вблизи того места у казахов произошло столкновение «с подбегавшими для воровства» калмыками. 13 февраля генерал-майор И. К. Давыдов запросил у оренбургского губернатора разрешение направить, заметим (!), несформированный еще корпус кратчайшим степным путем до Илецкого городка, а оттуда к Илецкой защите [12, л. 330].

Яицкая войсковая канцелярия и стоящее над ней начальство пребывали в уверенности, что решение о формировании казачьего корпуса обязательно будет выполнено. Более того, 12 февраля Войсковая канцелярия заверила оренбургского губернатора, что «пристойная команда с надлежащим старшиною наряжена и находится в готовности». Однако войсковой атаман и старшины считали ошибочным решение о движении корпуса в открытой степи. Выпавший снег под влиянием оттепели и дождей превратился в толстый слой льда, укрывший собою весь подножный корм для лошадей. А сами лошади, вынужденные идти по скользкой поверхности, порежуются или переломают ноги. По этим причинам Войсковая канцелярия просила И. А. Рейнсдорпа направить казаков вверх по Яицкой линии через форпосты и крепости [12, л. 470 об.].

Ахиллесовой пятой планируемого предприятия по поиску и задержанию калмыков являлось отсутствие точных сведений об их местонахождении и маршруте дальнейшего движения. Ссылкой на это обстоятельство атаман Яицкого войска П. В. Танбовцев пытался оправдать невыполнение предписания губернатора И. А. Рейнсдорпа об отправке в степь казачьей команды. В его рапорте говорилось: «Как до нынешнего времени продолжается еще великая стужа и о калмыках неизвестности и по неблизкому их от линии отдалении, ни малейшего в поиске их успеха надеяться было нельзя. Но под тем как самим посланным от помянутой стужи, так и лошадям их от глубоких снегов явный вред последовал». Тем не менее Танбовцев обязался исполнить требование оренбургского губернатора – сформировать в ближайшие дни воинскую команду, направить ее на нижние форпосты, а затем, когда будут получены сведения от разведки, и в степь [14, л. 153–153 об.].

5 марта 1771 г. генерал-майор И. К. Давыдов потребовал от Войсковой канцелярии созвать казачий круг. На нем должны были быть избраны походные командиры и через 24 часа с рядовыми казаками отправлены в корпус полковника Бейерена. Каждому казаку полагалось иметь двухмесячный запас провианта. Для усиления казачьему корпусу придавалась артиллерия из восьми пушек с ядрами и картечью. Перед отправкой казаки должны были быть ознакомлены с высочайшим указом, согласно которому им строжайше запрещалось отбирать имущество и «чинить обиды» калмыкам, выходявшим из орды с повинной и без какого-либо сопротивления. Сами казаки должны были «находиться в таком послушании... как военный артикул и воинские правила повелевают и дисциплина требует» [14, л. 123–123 об.].

На казачьи круги казаки собирались четыре раза: 9, 10, 11 и 12 марта. Для «народной» партии, поддерживаемой большей частью рядовых казаков, круг явился поводом для предъявления претензий войсковой вер-

хушке. Безусловно, правы были члены Войсковой канцелярии, когда называли главной причиной неповиновения казаков «несогласной» стороны нежелание отправиться в заснеженную степь за неизвестно в каком направлении и как далеко ушедшими калмыками. Но прямо отказаться от похода против изменников-калмыков предводители «народной» партии не могли. В таком случае они сами становились бунтовщиками, изменившими присяге и не выполнившими монарший указ. Поэтому неисполнение указа они постарались представить как реакцию на нарушение атаманом и Войсковой канцелярией дарованных казакам прав и невыплату положенного им жалованья.

Подробности переросшей в бунт конфронтации между «старшинской» и «народной» партиями, случившейся во время сбора казачьего круга, представлены, естественно, в оправдывающей их интерпретации в донесениях генерал-майора И. К. Давыдова и рапортах Канцелярии Яицкого казачьего войска.

9 марта ударами набатного колокола атаман П. В. Танбовцев известил казаков о сборе казачьего круга. Собравшимся казакам атаман объявил о предстоящей им командировке в степь за ушедшими из России волжскими калмыками. Походным атаманом был назначен старшина Яков Колпаков, а полковниками – Иван Назаров, Федор Митрясов и Кирилл Филимонов. Атаман П. В. Танбовцев руководствовался 6 и 10 пунктами Грамоты, полученной из Военной коллегии 15 декабря 1765 г. В них предписывалось «при востребовании какой важной надобности» командировать походных старшин, по рассмотрению войскового атамана и старшин, а не по войсковому выбору. За казачьим кругом оставалось право и одновременно обязанность избрать младших командиров [14, л. 229].

Войсковые старшины были уверены, что назначение Войсковой канцелярией старших командиров направлено на укрепление дисциплины и боеспособности находящихся в походе казачьих команд. Они считали, что прежде казаки избирали угодных им начальников, слабохарактерных и готовых им попустительствовать, а надежные люди «отменного достоинства и исправности... находились безвинно в напрасной их обиде» [14, л. 230].

Рядовые казаки и сотники идти в команду к назначенному им походному атаману и полковникам отказались и потребовали проведения выборов с участием их представителей. Они не соглашались с аргументами П. В. Танбовцева о том, что рядовой казак по закону старшинскую должность исполнять не должен, а казачий старшина не может находиться у него в подчинении.

Под давлением «несогласной» стороны войсковой атаман согласился рассмотреть список кандидатов на должности походных старшин из числа рядовых казаков с включением в него и оппозиционеров. Последних представляли: Савелий Фомичихин, Григорий Силкин, Кузьма Носов, Михаил Выровщиков. Причем походным атаманом казаки призывали назначить М. Выровщикова, который был недавно возвращен из сибирской ссылки, где содержался по указу из Военной коллегии [14, л. 429].

Однако на такую уступку П. В. Танбовцев идти не собирался. В представленной генерал-майору И. К. Давыдову челобитной казаки указали, что атаман их голосов не учитывал и назначал старшин по своему усмотрению. По этой причине недовольные казаки отказались избирать из своего состава сотников и есаулов и записываться в команду. Вместо справедливого разби-

рательства Давыдов приказал С. Фомичихина и других челобитчиков схватить и содержать под арестом [14, л. 2231 об.].

Как провокацию и подлог расценила Войсковая канцелярия поданную атаману П. В. Танбовцеву сотником Тимофеем Севрюгиным копию с императорского указа от 7 декабря 1770 г. об освобождении яицких казаков от службы в сформированном для участия в Русско-турецкой войне Московском легионе [15, с. 319]. По настоянию казаков атаман был вынужден зачитать вслух текст с представленной Севрюгиным копии. Она содержала формулировку: «...увольнением их от легионной службы, никуда их впредь не наряжать». Для верности П. В. Танбовцев распорядился принести копию зачитанного указа из Войсковой канцелярии. При повторном чтении выяснилось, что в копии, представленной Севрюгиным, к слову «куда» добавлена частица «ни». В оригинальном тексте речь шла только о Московском легионе, а не о полном освобождении от службы: «...увольнением их от легионной службы, куда их впредь не наряжать» [10, с. 399]. Чтение указа сопровождалось задержанием восьми наиболее активных сторонников Т. Севрюгина: сотника Петра Краденова и семи казаков. Пятеро из них, закованных в кандалы, были отбиты толпой по пути в Войсковую канцелярию [14, л. 433 об.].

Убежденность в истинности представленной Т. Севрюгиным копии указа настолько глубоко укоренилась среди сторонников «народной» партии, что даже спустя четыре месяца в поданной на высочайшее имя челобитной их представители продолжали на нее ссылаться. Самого же сотника Севрюгина они считали невинно пострадавшим: «Итак, спустя многое время, начали Севрюгина сыскивать, якобы он переписывая настоящую копию, но оные наводь от старшин ложные, дабы чем правду погубить, видя тот Севрюгин, что на него напрасно худые наводь, от того и дому своего лишился» [16, с. 5].

Вторым существенным поводом к уклонению от выступления в поход за ушедшими калмыками стала невыплата казакам заслуженного, как они считали, жалованья за предыдущие пять лет.

Уклонение от службы в условиях военного времени на основании невыплаты жалованья законодательство XVIII в. определяло как государственное преступление. В ст. 68 главы 8 Воинского артикля к солдатам и офицерам содержалось требование: в случае неисправных выплат жалованья в установленное время «имеют офицеры и рядовые службу охотно отправлять и до тех мест терпеть, пока они удовольствованы будут» [14, л. 232].

С другой стороны, невыплата жалованья также являлась серьезным должностным преступлением, и, чтобы отвести обвинение, Войсковая канцелярия вынуждена была представить погодный бухгалтерский отчет выплаченных и удержанных денежных сумм. Он подводил к следующим выводам. Казакам было предложено получить жалованье за два года. Большею части казаков (2583) оно было выдано. 2027 казаков отказались от частичной выплаты и продолжали требовать жалованье за все пять лет.

Жалованье за остальные три года по распоряжению Оренбургской губернской канцелярии было зачтено Яицкому войску по откупным обязательствам. К ним относились гурьевские учуги и питейные в Гурьеве и Яицком городке сборы, контракты на которые Войско заключило в 1750 и 1753 гг. в Военной и Каммер-коллегиях. С 1766 г. положенные по раскладке с рыбо-

ловных доходов деньги казаки либо не вносили, либо их внесению препятствовали войсковые расходы [14, л. 430 об. – 432 об.].

Из разъяснений Войсковой канцелярии выходило, что жалованье казака не превышало 2 рублей, получаемые же им доходы значительно превышали эту сумму. Так, за последнюю зиму за счет первого багрения каждый действовавший на рыболовстве казак получил по 5, а второго – 10 и более рублей. Казаки, ходившие в поход с Алексеем Митрясовым, получали «помогу» по 10 руб. К ним еще следует прибавить 8 рублей «авантажу», образовавшемуся засчет лошадей, скота и прочего имущества, отобранного или брошенного преследуемыми калмыками. По мнению В. Н. Витевского, оперируя небольшой суммой в 2 руб. удерживаемого заработка, Войсковая канцелярия не уточняет, что их следовало выплатить 4610 казакам [10, с. 401].

В адресованной императрице челобитной казаки жаловались на свою хозяйственную несостоятельность, вину за которую они возлагали на злоупотреблявших властью старшин. В челобитной указывалось, что хлебного и денежного жалованья Яицкое войско не получало с учетом 1771 г. уже шесть лет. Генерал-майор И. К. Давыдов и капитан С. Д. Дурново разрешали старшинам жестоко наказывать выражавших недовольство казаков: «заковывать в железа и плетью сечь и тем на войско немалой страх наводить». Последнее зимнее рыболовство из-за несвоевременного выхода на него казаков было неудачным и доходов не принесло. Атаман П. В. Танбовцев прошедшим летом не допустил к санным покосам недовольных им казаков, «а косил своими согласниками». Те же «согласники» были отправлены на осеннюю рыбную ловлю. Челобитная завершалась просьбой защитить казаков от незаконных поступков старшин и наглого с их стороны разорения [16, с. 3–6].

Решимость казаков в отстаивании своих интересов вылилась в заговор, направленный против генерал-майора И. К. Давыдова и войсковых старшин. Раскрыл его один из заговорщиков, писарь духовных дел Михайло Мостовщиков. 30 марта он явился с доносом к войсковому атаману. М. Мостовщиков свидетельствовал, что приходившие в его дом казаки Иван Яганов и Андрей Легошин уведомили его, что в случае созыва казачьего круга для набора команды пятьсот казаков должны будут захватить пушки, а еще пятьсот казаков расположатся в резерве вблизи собравшегося круга. Нападению, «чтобы всех побить», должны были подвергнуться генерал-майор Давыдов, штаб- и обер-офицеры, войсковой атаман со старшинами, поддерживавшие их казаки «согласной стороны» и команда регулярных войск [17, л. 34–34 об.]. На допросе он уточнил, что в гостях у него и его брата Лариона были еще казаки Дмитрий Яганов и Иван Завалев. А. Лягошин будто бы заявил, что если хоть один человек из несогласных записаться в пятисотенную команду для отправки в Кизляр будет задержан, то они старшин окружают, пушки отобьют и лучше сами умрут [17, л. 27–27 об.].

В тот же день начались аресты и допросы выявленных заговорщиков. А. Лягошин не только подтвердил слова М. Мостовщикова о намерении убить старшин и служащих регулярной команды, но и раскрыл масштабы заговора. Как выяснилось, недовольные казаки устраивали собрания человек по пятнадцать – двадцать в домах сотников Горохова, Герасимова, Кирпишникова, Артикеева, казака Кабаева и у др. Сам же заговор созрел еще зимой [17, л. 28–28 об.].

Генерал-майор И. К. Давыдов, впечатленный и напуганный размахом заговора, обратился за военной помощью к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу. Он просил перебросить в Яицкий городок в распоряжение атамана П. В. Танбовцева казачью команду и регулярные войска. В ответ И. А. Рейнсдорп ограничился разрешением направить в Яицкий городок 200 илекских казаков. Оренбургский губернатор уведомил Военную коллегию, что в его распоряжении не имеется свободных воинских контингентов. Он пояснял: «Из находящихся в ведомстве моем регулярных и нерегулярных для защищения крепостей и поиску над бегущими волжскими калмыками, такое количество выкомандировано, что ежели бы востребовались еще люди, то уже кроме башкирцов и мещеряков командировать некого, да и из них число знатное наряжено» [17, л. 33, 37–37 об.].

Как итог, яицкие казаки, за исключением учитывавшихся отдельно сакмарских и илекских казаков, не только уклонились от участия в походе за калмыками, но и не стали записываться в пятисотенную команду, формируемую для несения пограничной службы на Северном Кавказе. Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп вынужден был признаться в своем бессилии каким-либо способом воздействовать на бунтующих казаков. В письме астраханскому губернатору Н. А. Бекетову от 11 ноября 1771 г. И. А. Рейнсдорп указал: «Но какого оттоль состояния войска желаемого успеха ожидать можно? Которое не только бы генералитетские определения существенно исполнять, но и по нарядам Государственной военной коллегии на службу казаков, будучи ослушно, не посылают» [18, л. 121, 132].

Описанное выше бунтарство яицких казаков следует рассматривать как закономерную реакцию на проводившуюся в их отношении государственную, имперскую по своей сути политику. Одновременно с утверждением российской власти на Южном Урале был запущен процесс превращения вольного казачьего сообщества в послушное, военно-служилое сословие. Его проводниками были определены назначаемые правительством, а не избираемые, как прежде, самими казаками атаман и войсковые старшины. Для войсковой верхушки становится нормой злоупотребление властью и мздоимство. Рядовые казаки пребывали в уверенности, что нарушение их прав инспирировано местными властями вопреки воле Екатерины II.

Прорыв через войсковую территорию многотысячной калмыцкой орды сопровождался убийством и пленением находившихся на рыболовстве яицких казаков, разграблением и сожжением линейных форпостов. Запоздалое решение оренбургского генералитета использовать Яицкое войско для преследования ушедших за Яик калмыков вызвало справедливое недовольство рядовых казаков. Движение по заснеженной и обледенелой степи неминуемо вело к травмам и гибели лошадей. Под предлогом невыплаты жалованья и лишения права избирания походных старшин и атамана «несогласные» казаки отказались как от преследования калмыков, так и от направления сменной команды в Кизляр. Без внешней военной поддержки генерал-майор И. К. Давыдов не решился принуждать бунтовщиков к порядку. Одержанная победа над «старшинской» партией придала уверенности рядовым казакам. Приведение к покорности Яицкого войска продолжалось три года. Правительству понадобились значительные воинские контингенты, чтобы в упорной борьбе сначала подавить казачье восстание 1772 г., а затем, в 1774 г., расправиться с казаками, сражавшимися на стороне Е. И. Пугачева.

Список литературы

1. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. : монография : в 4 т. Казань : Типо-лит. В. М. Ключникова, 1897. Т. 1. 630 с.
2. Дубовиков А. М. Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России : в 2 ч. Тольятти : Современник, 2003. Ч. 1. 300 с.
3. Бахтияров Р. С., Федорова А. В. Рыболовство на территории Уральского казачьего войска (XVIII–XIX вв.) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2020. № 4 (84). С. 316–318.
4. Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства : очерк. СПб. : Типо-лит. М. П. Фроловой, 1901. 31 с.
5. Дубовиков А. М. Рыболовство как исторический феномен в повседневной культуре Уральского (Яицкого) казачьего войска // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4, № 2 (60). С. 273–280.
6. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 т. СПб. : Императорская академия наук, 1799. Т. 4. 446 с.
7. Паллас С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб. : Имп. акад. наук, 1809. 657 с.
8. Историко-статистическое описание Оренбургского казачьего войска. Вып. 3. Оренбург : Типо-лит. Б. Бреслина, 1891. 352 с.
9. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск : Челябинский ЦНТИ, 2008. 478 с.
10. Витевский В. Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. № 12. С. 389–414.
11. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
12. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 114.
13. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 120.
14. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 118.
15. Романюк Т. С. Участие старообрядческого населения в восстании под предводительством Е. И. Пугачева на Яике // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 4 (24). С. 315–334.
16. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. : сб. док. и материалов. Алма-Ата : Наука, 1964. 575 с.
17. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 119.
18. ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 121.

References

1. Vitevskiy V.N. I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g.: monografiya: v 4 t. = *Neplyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758: monograph: in 4 volumes*. Kazan: Tipo-lit. V.M. Klyuchnikova, 1897;1:630. (In Russ.)
2. Dubovikov A.M. Ural'skoe kazach'e voysko kak starinnoe kazachestvo dorevolutsionnoy Rossii: v 2 ch. = *The Ural Cossack army as the ancient Cossacks of pre-revolutionary Russia: in 2 parts*. Tol'yatti: Sovremennik, 2003;(pt. 1):300. (In Russ.)
3. Bakhtiyarov R.S., Fedorova A.V. Fishing in the territory of the Ural Cossack Host (18th – 19th centuries). *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = *Proceedings of Orenburg State Agrarian University*. 2020;(4):316–318. (In Russ.)

4. Borodin N.A. *Ural'skie kazaki i ikh rybolovstva: ocherk = Ural Cossacks and their fisheries: essay*. Saint Petersburg: Tipo-lit. M.P. Frolovoy, 1901:31. (In Russ.)
5. Dubovikov A.M. Fishing as a historical phenomenon in the everyday culture of the Ural (Yaik) Cossack army. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of Saratov State Technical University*. 2011;4(2):273–280. (In Russ.)
6. Georgi I. *Opisanie vseh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov. Ikh zhi-teyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispove-daniy i drugih dostopamyatnostey: v 4 t. = Description of all the peoples inhabiting the Russian state. Their daily rites, customs, clothing, housing, exercises, amusements, religions, and other attractions: in 4 parts*. Saint Petersburg: Imperatorskaya akademi-ya nauk, 1799;4:446. (In Russ.)
7. Pallas S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiyskoy Imperii = Traveling through various provinces of the Russian Empire*. Saint Petersburg: Imp. akad. nauk, 1809:657. (In Russ.)
8. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Orenburgskogo kazach'ego voyska. Vyp. 3 = Historical and statistical description of the Orenburg Cossack army. Issue 3*. Orenburg: Tipo-lit. B. Breslina, 1891:352. (In Russ.)
9. Kuznetsov V.A. *Irregulyarnye voyska Orenburgskogo kraja = Irregular troops of Orenburg region*. Samara; Chelyabinsk: Chelyabinskiy TsNTI, 2008:478. (In Russ.)
10. Vitevskiy V.N. The Yaik army before the appearance of Pugachev. *Russkiy arkhiv = Russian Archive*. 1879;(12):389–414. (In Russ.)
11. Dordzhieva E.V. *Iskhod kalmykov v Kitay v 1771 g. = The exodus of Kalmyks to China in 1771*. Rostov-on-Don: SKNTs VSh, 2002:210. (In Russ.)
12. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (OGAOO). F. 3. Op. 1. D. 114 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 114*. (In Russ.)
13. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 120 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 120*. (In Russ.)
14. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 118 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 118*. (In Russ.)
15. Romanyuk T.S. Participation of the Old Believer population in the uprising led by E.I. Pogachev on the Yaik. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii = Bulletin of Yekaterinburg Theological Seminary*. 2018;(4):315–334. (In Russ.)
16. *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vv.: sb. dok. i materialov = Kazakh-Russian relations in the 18th – 19th centuries: collected papers*. Alma-Ata: Nauka, 1964:575. (In Russ.)
17. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 119 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 119*. (In Russ.)
18. *OGAOO. F. 3. Op. 1. D. 121 = United State Archives of the Orenburg Region. Fund 3. Item 1. File 121*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Степан Викторович Джунджужов

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России,
Оренбургский государственный
педагогический университет
(Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19)

E-mail: djund@yandex.ru

Stepan V. Dzhundzhuzov

Doctor of historical sciences,
associate professor, professor of the
sub-department of Russian history,
Orenburg State Pedagogical University
(19 Sovetskaya street, Orenburg, Russia)

Марина Николаевна Ефименко

доктор философских наук,
профессор, Оренбургский
государственный педагогический
университет (Россия, г. Оренбург,
ул. Советская, 19)

E-mail: efimenkom@mail.ru

Marina N. Efimenko

Doctor of philosophical sciences,
professor, Orenburg State Pedagogical
University (19 Sovetskaya street,
Orenburg, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 08.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 21.05.2025

Принята к публикации / Accepted 10.07.2025